

Тургенев(1818-1883).

Тургенев Иван Сергеевич родился 28 октября (9 ноября н.с.) в Орле в дворянской семье. Отец, Сергей Николаевич, был отставным гусарским офицером, родом из старинного дворянского рода; мать, Варвара Петровна, — из богатой помещичьей семьи Лутовиновых. Детство Тургенева прошло в родовом имении Спасское-Лутовиново под присмотром нанятых учителей и гувернанток.

В 1827 году родители Ивана Сергеевича отправили его на обучение в пансион. Там он проучился два года. После пансиона Тургенев продолжил обучение дома и получал необходимые знания от домашних учителей, которые его обучали английскому, французскому и немецкому языкам.

В 1833 году Иван Сергеевич Тургенев поступил в Московский университет. Уже через год обучения писатель разочаровался в своем выборе и перевелся в Петербургский университет на словесное отделение философского факультета. Окончил университет Иван Сергеевич Тургенев в 1836 году.

В 1838 году Тургенев уехал в Германию. Проживая в Берлине прослушал курс лекций по философии и классической филологии. Во время свободное от лекций Тургенев путешествовал. За два с лишним года своего пребывания за границей, Иван Сергеевич смог объездить всю Германию, побывать во Франции, Голландии и даже пожить в Италии.

В 1841 году И.С. Тургенев вернулся в Россию. Поселился в Москве, где готовился к магистерским экзаменам и посещал литературные кружки. Здесь познакомился с Гоголем, Аксаковым, Хомяковым. Он посещает имение Бакуниных Премухино, вскоре начинается роман с Т. А. Бакуниной, что не мешает связи со швеей А. Е. Ивановой, у которой в 1842 году родится дочь Тургенева Пелагея.

В январе 1843 Тургенев поступает на службу в Министерство внутренних дел чиновником "особенной канцелярии".

В 1843 появляется поэма «Параша», получившая высокую оценку В. Г. Белинского. 1 ноября 1843 Тургенев знакомится с певицей Полиной Виардо, любовь к которой во многом определит течение его жизни.

В мае 1845 И.С. Тургенев выходит в отставку. С начала 1847 по июнь 1850 он живет в Германии, затем в Париже, в поместье семьи Виардо. Еще до отъезда отдал в "Современник" очерк "Хорь и Калиныч", который имел большой успех. Следующие очерки из народной жизни публиковались в том же журнале на протяжении пяти лет. В 1850 писатель возвратился в Россию, в качестве автора и критика работал в "Современнике". В 1852 году очерки вышли отдельной книгой под названием "Записки охотника".

Под впечатлением смерти Гоголя в 1852 году Тургенев опубликовал некролог, запрещенный цензурой. За это был арестован на месяц, а затем выслан в свое имение без права выезда за пределы Орловской губернии. В 1853 году Ивану Сергеевичу Тургеневу было разрешено приезжать в Петербург, но право выезда за границу было

возвращено лишь в 1856 году. И.С. Тургенев написал несколько пьес: "Нахлебник" 1848 год, "Холостяк" 1849 год, "Месяц в деревне" 1850 год, "Провинциалка" 1850 год. Во время ареста и ссылки создал повести "Муму" 1852 год и "Постоялый двор" 1852 год на "крестьянскую" тему. Однако его все больше занимала жизнь русской интеллигенции, которой посвящены повести "Дневник лишнего человека" 1850 год, "Яков Пасынков" 1855 год, "Переписка" 1856 год.

Летом 1855 года в Спасском Тургенев пишет роман "Рудин". В последующие годы "Дворянское гнездо" 1859 год, "Накануне" 1860 год, "Отцы и дети" 1862 год.

Тургенев-непревзойдённый мастер пейзажа, картины природы отличаются конкретностью, реальностью. Тургенев не просто описывал природу, но и выражал своё отношение к ней. Тургенев создал целую галерею образов обаятельных русских женщин (от крестьянок до барышень). Обаяние тургеневских героинь в том, что характеры их раскрываются в момент проявления самых благородных чувств, любовь изображается как возвышенное, идеальное.

В 1863 году Иван Тургенев переехал в Баден-Баден, к семье Виардо, а чуть позже переехал за семьей Виардо во Францию, в Париж, где и остался жить до конца своих дней. За годы жизни за границей И.С. Тургенев написал повести, "Часы" 1875 год, "Ася". Тургенев обращается к мемуаристике "Литературные и житейские воспоминания", 1869-80 года и "Стихотворениям в прозе" 1877-82 года.

22 августа 1883 года в Буживале (под Парижем) Иван Сергеевич Тургенев умер. Благодаря составленному завещанию, тело Тургенева перевезли и похоронили в России, в Петербурге.

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ». ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

(В 60-е годы XIX века началась новая эпоха русской жизни. Определились враждующие силы общества: консерваторы, защищающие старые порядки, либералы, выступающие за постепенные изменения в общественно-политической жизни России (сам Тургенев – сторонник постепенных реформистских преобразований в стране), идемократы, настроенные на немедленное разрушение старых и установление новых порядков (герой Тургенева – Базаров – относится к этим силам.)

И. С. Тургенев был свидетелем торжества революционеров-демократов над либералами. Он восхищался мужеством русских революционеров, но не верил в перспективы их деятельности, поэтому особенно остро ощущал недостатки и крайности революционного движения шестидесятников, получивших в романе «Отцы и дети» название «нигилизм». Нигилисты, по словам современного литературоведа Н. И. Пруцкого, действительно «готовы были отрицать прекрасное, искусство, эстетику... Нигилисты называли себя «ужасными реалистами», сторонниками беспощадного анализа, поклонниками точных наук, эксперимента».

Роман «Отцы и дети» – роман злободневный, во многом объясняющий жизнь русского общества. Тургенев «уловил и развернул» в романе основной конфликт кризисной эпохи – бескомпромиссную борьбу либералов с революционерами-демократами. В книге Тургенев размышляет о смене поколений, о вечной борьбе старого и нового, о бережном отношении к культурному наследию. Эти вечные проблемы обрели емкую формулировку в заглавии романа «Отцы и дети» – это «универсальный охват действительности» во всей ее полноте: от прошлого через настоящее к будущему.)

«История написания романа»

«Отцы и дети» создавались в тревожную эпоху. Роман был задуман в 1860 г. в Англии, во время летнего отдыха Тургенева. Продолжал работу над романом писатель в Париже. Но, судя по письмам к друзьям, дело продвигалось медленно. В мае 1861 года Тургенев приехал в Россию, в Спасское-Лутовиново. Под влиянием непосредственных впечатлений работа пошла успешно. Роман «Отцы и дети» был завершен к августу 1861 года.

В период работы над книгой Тургенева постигли разочарования. Одним за другим следовали разрывы с людьми, которых он ценил.

После романа «Накануне» и статьи Н. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» Тургенев порвал с «Современником», с которым он сотрудничал в течение пятнадцати лет.

Затем возник конфликт с И. А. Гончаровым, что привело к разрыву отношений, вслед за этим (летом 1861 г.) произошла ссора с Л. Н. Толстым, чуть не закончившаяся дуэлью.

Рушилась вера Тургенева в силу дружеских чувств.

Роман «Отцы и дети» был напечатан в журнале «Русский вестник» в феврале 1862 года, посвящен В. Г. Белинскому, направлен «против дворянства как передового класса».

Задание:

1. Конспект биографии Тургенева.
2. Прочитать историю создания романа.
3. Прочитать 1-4 главы романа «Отцы и дети»
4. Таблицу по Обломову и Штольцу направляйте на мой эл.

Адрес: lunolya@mail.ru

И.С. Тургенев « Отцы и дети».

I

-- Что, Петр, не видать еще? -- спрашивал 20-го мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко постоянного двора на *** шоссе, барин лет сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах, у своего слуги

Слуга посмотрел снисходительно вдоль дороги и отвечивал: "Никак нет-с, не видать".

-- Не видать? -- повторил барин.

-- Не видать, -- вторично отвечивал слуга.

Барин вздохнул и присел на скамеечку.

Зовут его Николаем Петровичем Кирсановым. У него в пятнадцати верстах от постоянного дворика хорошее имение в двести душ, или, как он выражается с тех пор, как размежевался с крестьянами и завел "ферму", -- в две тысячи десятин земли. Отец его, боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русский человек, всю жизнь свою тянул лямку, командовал сперва бригадой, потом дивизией и постоянно жил в провинции, где в силу своего чина играл довольно значительную роль. Николай Петрович родился на юге России, подобно старшему своему брату Павлу, о котором речь впереди, и воспитывался до четырнадцатилетнего возраста дома, окруженный дешевыми гувернерами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, принадлежала к числу "матушек-командирш", носила пышные чепцы и шумные шелковые платья, в церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала детей утром к ручке, на ночь их благословляла, -- словом, жила в свое удовольствие. В качестве генеральского сына Николай Петрович -- хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужил прозвище трусишки -- должен был, подобно брату Павлу, поступить в военную службу; но он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении, и, пролежав два месяца в постели, на всю жизнь остался "хроменьким". Отец махнул на него рукой и пустил его по штатской. Он повез его в Петербург, как только ему минул восемнадцатый год, и поместил его в университет. Кстати, брат его о ту пору вышел офицером в гвардейский полк. Молодые люди стали жить вдвоем, на одной квартире, под отдаленным надзором двоюродного дяди с материнской стороны, Ильи Колязина, важного чиновника. В 1835 году Николай Петрович вышел из университета кандидатом, и в том же году генерал Кирсанов, уволенный в отставку за неудачный смотр, приехал в Петербург с женою на житье. Он нанял было дом у Таврического сада и записался в английский клуб, но внезапно умер от удара. Мать скоро за ним последовала: она не могла привыкнуть к глухой столичной жизни; тоска отставного существованья ее загрызла. Между тем Николай Петрович успел, еще при жизни родителей и к немалому их огорчению, влюбиться в дочку чиновника, бывшего хозяина его квартиры, миловидную и, как говорится, развитую девицу: она в журналах читала серьезные статьи в отделе "Наук". Он женился на ней, как только минул срок траура, и, покинув министерство уделов, куда по протекции отец его записал, блаженствовал со своею Машей сперва на даче около Лесного института, потом в городе, в маленькой и хорошенькой квартире, и, наконец -- в деревне, где он поселился окончательно и где у него в скором времени родился сын Аркадий. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты; она сажала цветы и наблюдала за птичьим двором, он изредка ездил на охоту и занимался хозяйством, а Аркадий рос да рос -- тоже хорошо и тихо. Десять лет прошло как сон. В 47-м году жена Кирсанова скончалась. Он едва вынес этот удар, посидел в несколько недель. В 55-м году он повез сына в университет; прожил с ним три

зимы в Петербурге, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства с молодыми товарищами Аркадия. На последнюю зиму он приехать не мог, -- и вот мы видим его в мае месяце 1859 года, уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного: он ждет сына, получившего, как некогда он сам, звание кандидата.

Солнце пекло; из полутемных сеней постоялого дворика несло запахом теплого ржаного хлеба. Замечтался наш Николай Петрович. "Сын... кандидат... Аркаша..." -- беспрестанно вертелось у него в голове; он пытался думать о чем-нибудь другом, и опять возвращались те же мысли. Вспомнилась ему покойница-жена... "Не дождалась!" -- шепнул он уныло...

-- Никак они едут-с, -- доложил слуга, вынырнув из-под ворот.

Николай Петрович вскочил и устремил глаза вдоль дороги. Показался тарантас, запряженный тройкой ямских лошадей; в тарантасе мелькнул околыш студентской фуражки, знакомый очерк дорогого лица... -- Аркаша! Аркаша! -- закричал Кирсанов, и побежал, и замахал руками... Несколько мгновений спустя его губы уже прильнули к безбородой, запыленной и загорелой щеке молодого кандидата.

II

-- Дай же отряхнуться, папаша, -- говорил несколько сиплым от дороги, но звонким юношеским голосом Аркадий, весело отвечая на отцовские ласки, -- я тебя всего запачкаю.

-- Ничего, ничего, -- твердил, умиленно улыбаясь, Николай Петрович и раза два ударил рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто. -- Покажи-ка себя, покажи-ка, -- прибавил он, отодвигаясь, и тотчас же пошел торопливыми шагами к постоялому двору, приговаривая: "Вот сюда, сюда, да лошадей поскорее".

-- Папаша, -- сказал он, -- позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал. Он так любезен, что согласился погостить у нас.

Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал.

-- Душевно рад, -- начал он, -- и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

-- Евгений Васильев, -- отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

-- Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, -- продолжал Николай Петрович.

Тонкие губы Базарова чуть тронулись; но он ничего не отвечал и только приподнял фуражку. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей черепа.

-- Так как же, Аркадий, -- заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, -- сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

-- Дома отдохнем, папаша; вели закладывать.

-- Сейчас, сейчас, -- подхватил отец. -- Эй, Петр, слышишь? Распорядись, братец, поживее.

Петр, который в качестве усовершенствованного слуги не подошел к ручке барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся под воротами.

-- Я здесь с коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, -- хлопотливо говорил Николай Петрович, между тем как Аркадий пил воду из железного ковшика, принесенного хозяйкой постоялого двора, а Базаров закурил трубку и подошел к ямщику, отпрягавшему лошадей, -- только коляска двухместная, и вот я не знаю, как твой приятель...

-- Он в тарантасе поедет, -- перебил вполголоса Аркадий. -- Ты с ним, пожалуйста, не церемонься. Он чудесный малый, такой простой -- ты увидишь.

Кучер Николая Петровича вывел лошадей.

-- Ну, поворачивайся, толстобородый! -- обратился Базаров к ямщику.

-- Слышь, Митюха, -- подхватил другой тут же стоявший ямщик с руками, засунутыми в задние прорехи тулупа, -- барин-то тебя как прозвал? Толстобородый и есть.

Митюха только шапкой тряхнул и потащил вожжи с потной коренной.

-- Живей, живей, ребята, подсобляйте, -- воскликнул Николай Петрович, -- на водку будет!

В несколько минут лошади были заложены; отец с сыном поместились в коляске; Петр взобрался на козлы; Базаров вскочил в тарантас, уткнулся головой в кожаную подушку -- и оба экипажа покатили.

III

-- Так вот как, наконец ты кандидат и домой приехал, -- говорил Николай Петрович, потрогивая Аркадия то по плечу, то по колену. -- Наконец!

-- А что дядя? здоров? -- спросил Аркадий, которому, несмотря на искреннюю, почти детскую радость, его наполнявшую, хотелось поскорее перевести разговор с настроения взволнованного на обыденное.

-- Здоров. Он хотел было выехать со мной к тебе навстречу, да почему-то раздумал.

-- А ты долго меня ждал? -- спросил Аркадий.

-- Да часов около пяти.

-- Добрый папаша!

Аркадий живо повернулся к отцу и звонко поцеловал его в щеку. Николай Петрович тихонько засмеялся.

-- Какую я тебе славную лошадь приготовил! -- начал он, -- ты увидишь. И комната твоя оклеена обоями.

-- А для Базарова комната есть?

-- Найдется и для него.

-- Пожалуйста, папаша, приласкай его. Я не могу тебе выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

-- Ты недавно с ним познакомился?

-- Недавно.

-- То-то прошло зимой я его не видал. Он чем занимается?

-- Главный предмет его -- естественные науки. Да он все знает. Он в будущем году хочет держать на доктора.

-- А! он по медицинскому факультету, -- заметил Николай Петрович и помолчал. -- Петр, -- прибавил он и протянул руку, -- это никак наши мужики едут?

Петр глянул в сторону, куда указывал барин. Несколько телег, запряженных разнозданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. В каждой телеге сидело по одному, много по два мужика в тулупах нараспашку.

-- Точно так-с, -- промолвил Петр.

-- Куда это они едут, в город, что ли?

-- Полагать надо, что в город. В кабак, -- прибавил он презрительно и слегка наклонился к кучеру, как бы ссылаясь на него..

-- Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году, -- продолжал Николай Петрович, обращаясь к сыну. -- Не платят оброка. Что ты будешь делать?

-- А своими наемными работниками ты доволен?

-- Да, -- процедил сквозь зубы Николай Петрович. -- Подбивают их, вот что беда; ну, и настоящего старания все еще нету. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Перемелется -- мука будет. Да разве тебя теперь хозяйство занимает?

-- Тени нет у вас, вот что горе, -- заметил Аркадий, не отвечая на последний вопрос. Коляска проехала с полверсты, прежде чем разговор возобновился между ними.

-- Не помню, писал ли я тебе, -- начал Николай Петрович, -- твоя бывшая нянюшка, Егоровна, скончалась.

-- Неужели? Бедная старуха! А Прокофьич жив?

-- Жив и нисколько не изменился. Все так же брюзжит. Вообще ты больших перемен в Марьине не найдешь.

-- Приказчик у тебя все тот же?

-- Вот разве что приказчика я сменил. Я решился не держать больше у себя вольноотпущенных, бывших дворовых. Теперь у меня приказчик из мещан: кажется, дельный малый. Я ему назначил двести пятьдесят рублей в год. Впрочем, -- прибавил Николай Петрович, потирая лоб и брови рукою, что у него всегда служило признаком внутреннего смущения, -- я тебе сейчас сказал, что ты не найдешь перемен в Марьине... Это не совсем справедливо. Я считаю своим долгом предvarить тебя, хотя...

Он запнулся на мгновение и продолжал уже по-французски.

- Ты, конечно, будешь вправе осудить меня. В мои лета... Словом, эта... эта девушка, про которую ты, вероятно, уже слышал...

-- Фенечка? -- развязно спросил Аркадий.

Николай Петрович покраснел.

-- Не называй ее, пожалуйста, громко... Ну, да... она теперь живет у меня. Я ее поместил в доме... там были две небольшие комнатки. Впрочем, это все можно переменить.

-- Помилуй, папаша, зачем?

-- Твой приятель у нас гостить будет... неловко...

-- Насчет Базарова ты, пожалуйста, не беспокойся. Он выше всего этого.
-- Ну, ты, наконец, -- проговорил Николай Петрович. -- Флигелек-то плох -- вот беда.
-- Помилуй, папаша, -- подхватил Аркадий, -- ты как будто извиняешься; как тебе не совестно.

-- Конечно, мне должно быть совестно, -- отвечал Николай Петрович, все более и более краснея.

-- Полно, папаша, полно, сделай одолжение! -- Аркадий ласково улыбнулся.

Николай Петрович глянул на него из-под пальцев руки, которою он продолжал тереть себе лоб, и что-то кольнуло его в сердце... Но он тут же обвинил себя.

-- Вот это уж наши поля пошли, -- проговорил он после долгого молчания.

-- А это впереди, кажется, наш лес? -- спросил Аркадий.

-- Да, наш. Только я его продал. В нынешнем году его сводить будут.

-- Зачем ты его продал?

-- Деньги были нужны; притом же эта земля отходит к мужикам.

-- Которые тебе оброка не платят?

-- Это уж их дело, а впрочем, будут же они когда-нибудь платить.

-- Жаль леса, -- заметил Аркадий и стал глядеть кругом.

Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля, тянулись вплоть до самого небосклона, попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными крышами, и церкви с отвалившеюся кое-где штукатуркой, и разоренные кладбища с наклонившимися крестами. Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; "Нет, -- подумал Аркадий, -- небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?.."

-- Теперь уж недалеко, -- заметил Николай Петрович, -- вот стоит только на эту горку подняться, и дом будет виден. Мы заживем с тобой на славу, Аркаша; ты мне помогать будешь по хозяйству, если только это тебе не наскучит. Нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошенько, не правда ли?

-- Конечно, -- промолвил Аркадий, -- но что за чудный день сегодня!

-- Для твоего приезда, душа моя. Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным -- помнишь, в Евгении Онегине:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое...

-- Аркадий! -- раздался из тарантаса голос Базарова, -- пришли мне спичку, нечем трубку раскурить.

Николай Петрович умолк, а Аркадий, который начал было слушать его не без некоторого изумления, но и не без сочувствия, поспешил достать из кармана серебряную коробочку со спичками и послал ее Базарову с Петром.

-- Хочешь сигарку? -- закричал опять Базаров.

-- Давай, -- отвечал Аркадий.

Петр вернулся к коляске и вручил ему вместе с коробочкой толстую черную сигарку, которую Аркадий немедленно закурил, распространяя вокруг себя такой крепкий и кислый запах заматерелого табаку, что Николай Петрович, отроду не куривший, поневоле, хотя незаметно, чтобы не обидеть сына, отворачивал нос.

Четверть часа спустя оба экипажа остановились перед крыльцом нового деревянного дома, выкрашенного серою краской и покрытого железною красною крышей. Это и было Марьино, Новая слободка тож, или, по крестьянскому наименованью, Бобылий хутор.

IV

Толпа дворовых не высыпала на крыльцо встречать господ; Николай Петрович с сыном и с Базаровым отправились через темную и почти пустую залу, из-за двери которой мелькнуло молодое женское лицо, в гостиную, убранную уже в новейшем вкусе.

-- Вот мы и дома, -- промолвил Николай Петрович, снимая картуз и встряхивая волосами. -- Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.

-- Поесть действительно не худо, -- заметил, потягиваясь, Базаров и опустился на диван.

-- Да, да, ужинать давайте, ужинать поскорее. -- Николай Петрович без всякой видимой причины потопал ногами. -- Вот кстати и Прокофьич.

Вошел человек лет шестидесяти, беловолосый, худой и смуглый, в коричневом фраке с медными пуговицами и в розовом платочке на шее. Он осклабился, подошел к ручке к Аркадию и, поклонившись гостю, отступил к двери и положил руки за спину.

-- Вот он, Прокофьич, -- начал Николай Петрович, -- приехал к нам наконец... Что? как ты его находишь?

-- В лучшем виде-с, -- проговорил старик и осклабился опять, но тотчас же нахмурил свои густые брови. -- На стол накрывать прикажете? -- проговорил он внушительно.

-- Да, да, пожалуйста. Но не пройдет ли вы сперва в вашу комнату, Евгений Васильич?

-- Нет, благодарствуйте, незачем. Прикажете только чемоданишко мой туда стащить да вот эту одеженку, -- прибавил он, снимая с себя свой балахон.

-- Очень хорошо. Прокофьич, возьми же их шинель. (Прокофьич, как бы с недоумением, взял обеими руками базаровскую "одеженку" и, высоко подняв ее над головою, удалился на цыпочках.) А ты, Аркадий, пойдешь к себе на минутку?

-- Да, надо почиститься, -- отвечал Аркадий и направился было к дверям, но в это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский сьют, модный низенький галстух и лаковые полусапожки, **Павел Петрович Кирсанов**. На вид ему было лет сорок пять: его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза. Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов.

Павел Петрович вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями, -- руку, казавшуюся еще красивей от снежной белизны рукавчика, застегнутого одиноким крупным опалом, и подал ее племяннику. Совершив предварительно европейское рукопожатие, он три раза, по-русски, поцеловался с ним, то есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щек, и проговорил: "Добро пожаловать".

Николай Петрович представил его Базарову: Павел Петрович слегка наклонил свой гибкий стан и слегка улыбнулся, но руки не подал и даже положил ее обратно в карман.

-- Я уже думал, что вы не приедете сегодня, -- заговорил он приятным голосом, подергивая плечами и показывая прекрасные белые зубы. -- Разве что на дороге случилось?

-- Ничего не случилось, -- отвечал Аркадий, -- так, замешкались немного. Зато мы теперь голодны, как волки. Поторопи Прокофьича, папаша, а я сейчас вернусь.

-- Постой, я с тобой пойду, -- воскликнул Базаров, внезапно порываясь с дивана. Оба молодые человека вышли.

-- Кто сей? -- спросил Павел Петрович.

-- Приятель Аркаши, очень, по его словам, умный человек.

-- Он у нас гостить будет?

-- Да.

-- Этот волосатый?

-- Ну да.

Павел Петрович постучал ногтями по столу.

-- Я нахожу, что Аркадий s'est degourdi {стал развязнее (*франц.*)}, -- заметил он. -- Я рад его возвращению.

За ужином разговаривали мало. Особенно Базаров почти ничего не говорил, но ел много. Николай Петрович рассказывал разные случаи из своей, как он выражался фермерской жизни, толковал о предстоящих правительственных мерах, о комитетах, о депутатах, о необходимости заводить машины и т.д. Павел Петрович медленно похаживал взад и вперед по столовой (он никогда не ужинал). Аркадий сообщил несколько петербургских новостей. После ужина все тотчас разошлись.

-- А чудаковат у тебя дядя, -- говорил Аркадию Базаров, сидя в халате возле его постели и насасывая короткую трубочку. -- Щегольство какое в деревне, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!

-- Да ведь ты не знаешь, -- ответил Аркадий, -- ведь он львом был в свое время. Я когда-нибудь расскажу тебе его историю. Ведь он красавцем был, голову кружил женщинам.

-- Да, вот что! По старой, значит, памяти. Пленять-то здесь, жаль, некого. Я все смотрел: этикие у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородок так аккурратно выбрит. Аркадий Николаич, ведь это смешно?

-- Пожалуй; только он, право, хороший человек.

-- Архаическое явление! А отец у тебя славный малый. Стихи он напрасно читает и в хозяйстве вряд ли смыслит, но он добряк.

-- Отец у меня золотой человек.

-- Заметил ли ты, что он робеет?

Аркадий качнул головою, как будто он сам не робел.

-- Удивительное дело, -- продолжал Базаров, -- эти старенькие романтики! Разовьют в себе нервную систему до раздражения... ну, равновесие и нарушено. Однако прощай! В моей комнате английский рукомойник, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо -- английские рукомойники, то есть прогресс!

Базаров ушел, а Аркадием овладело радостное чувство. Сладко засыпать в родимом доме, на знакомой постеле, под одеялом, над которым трудились любимые руки нянюшки, те ласковые, добрые и неумомимые руки. Аркадий вспомнил Егоровну, и вздохнул, и пожелал ей царствия небесного... О себе он не молился.

И он и Базаров заснули скоро, но другие лица в доме долго еще не спали. Возвращение сына взволновало Николая Петровича. Он лег в постель, но не загасил свечи и думал долгие думы. Брат его сидел далеко за полночь в своем кабинете, на широком гамбсовом кресле, перед камином, в котором слабо тлел каменный уголь. Павел Петрович не разделся, только китайские красные туфли без задков сменил на его ногах лаковые полусапожки. Он держал в руках последний номер *Galignani*, но он не читал; он глядел пристально в камин, где, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя... Бог знает, где бродили его мысли, но не в одном только прошедшем бродили они: выражение его лица было сосредоточенно и угрюмо, чего не бывает, когда человек занят одними воспоминаниями. А в маленькой задней комнатке, на большом сундуке, сидела, в голубой душегрейке и с наброшенным белым платком на темных волосах, молодая женщина, Фенечка, и то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, из-за которой виднелась детская кроватка и слышалось ровное дыхание спящего ребенка.